

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЗЕЛЕНОЕ
КОЛЬЦО

Зинаида Гиппиус
Зеленое кольцо

«Public Domain»

1916

Гиппиус З. Н.

Зеленое кольцо / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1916

«Квартира Ипполита Васильевича Вожжина, инженера. Большая гостиная. Налево, в глубине, дверь в коридор, прикрытая ширмами. Прямо две двери: левая в залу и кабинет Вожжина, правая – в приемную и прихожую. Последняя тоже отделена ширмами. В правой стене, вблизи, одна небольшая дверь – в комнаты друга Вожжина, Михаила Арсеньевича...»

Содержание

Действие первое	6
Действие второе	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Зинаида Гиппиус

Зеленое кольцо

Пьеса в четырех действиях

Действующие:

Михаил Арсеньевич Ясвейн, журналист («дядя Мика», «дядя, потерявший вкус к жизни»).

Ипполит Васильевич Вожжин, инженер. Старый друг «дяди Мики», живут на одной квартире.

Елена Ивановна, жена Вожжина, с которой он давно разошелся.

Анна Дмитриевна Лебедева, вдова, приятельница Вожжина; занимает квартиру рядом.

Сережа, сын ее, гимназист.

Софина (Финочка) Вожжина, дочь Ипполита Васильевича и Елены Ивановны, живет при матери (*в Саратове*).

Руся, гимназистка, племянница Михаила Арсеньевича («дяди Мики»).

Нике, брат ее, гимназист.

Валерьян, Петя, Лида, Вера, Андрей и др. подростки, юноши и девушки.

Две горничные: Матильда, здешняя, служит у Вожжина, и Марфуша, саратовская – у Елены Ивановны Вожжиной.

Действие первое

Квартира Ипполита Васильевича Вожжина, инженера. Большая гостиная. Налево, в глубине, дверь в коридор, прикрытая ширмами. Прямо две двери: левая в залу и кабинет Вожжина, правая – в приемную и прихожую. Последняя тоже отделена ширмами. В правой стене, вблизи, одна небольшая дверь – в комнаты друга Вожжина, Михаила Арсеньевича (*дяди Мики*). Мягкие диваны, картины; роскоши, впрочем, нет. Тут же, у передней стены, накрытый стол. Ипполит Васильевич и Анна Дмитриевна кончают завтрак. Анна Дмитриевна – круглолицая, веселая и приятная, одета красиво, в домашнее платье, но не пеньюар. Рядом на спинке стула лежит меховая накидка.

Анна Дмитриевна. Надо мне, Ипполит Васильевич, опять с вашей Матильдой поговорить. Щипцов к сахару не подала, и взгляните, крышка-то у кофейника!

Вожжин. Это со вчерашнего дня. Вчера, говорит, разбилась.

Анна Дмитриевна. Так купила бы. Нет, Матильда, – она пока ничего, только следить, конечно, надо. И кухарка у вас хорошая, лучше моей Марьи, а небрежная: чуть что, обедать ли к вам пришли, или я же у вас завтракаю – летит к Марье за тем, за другим: благо через площадку, дверь в дверь.

Вожжин. Да Бог с ней. Готовит хорошо. Михаилу Арсеньевичу нравится.

Анна Дмитриевна. Удивительно, что нравится. Такой капризник. К чему-к чему, а к хорошему столу вкус не потерял. Я всегда смеюсь. Сережа мой, да и вся эта детвора, что льнет к вашему дяде Мике, знаете, как его называют? Дядя, потерявший вкус к жизни. А я смеюсь: к обеду-то хорошему вкус не потерял. Где он сейчас, дома?

Вожжин. Спит. Вчера ворчал, какую-то статью ему надо было кончить, поздно лег, и к завтраку, говорит, не встану. Теперь уж, наверно, скоро явится.

Анна Дмитриевна. Да пусть его отдыхает. Мне ведь он не нужен. Это Сережа мой всякую минуту: где дядя Мика? Надо дядю Мику спросить... Мы с дядей Микой условились... Я забегу к дяде Мике... Всякую минуту, право. (*Смеется.*) Не надоел он вам? Сережа-то?

Вожжин. Да я его и не вижу. Должно быть, к Мике прямо. Их много к нему приходит; товарищи все Сережины. И барышни, сестры. Руся Шаповалова, например, с братом Никсом, книги он, что ли, им дает.

Анна Дмитриевна. Шаповаловы – родные его племянники или двоюродные? Нике в одном классе с Сережей. Какие книги дает? Право, Ипполит Васильевич, если б это не дядя Мика, и не старый ваш приятель, с которым столько лет вместе живете – я бы подумала, уже не запрещенные ли книги дает какие-нибудь? (*Смеется.*) Или конфетами он эту детвору обкармливает? (*Смеется.*)

Входит Михаил Арсеньевич Ясвейн, «дядя Мика», «дядя, потерявший вкус к жизни». Ему лет сорок, худощав, высок, моложав, без бороды. Очень корректен, лицо равнодушное, довольно неподвижное.

Анна Дмитриевна. А мы о вас говорим! Выспались?

Дядя Мика. Нет, не выспался. Сегодня рано лягу. Здравствуйте, голубушка. (*Целует ей руку.*) Вы уж и позавтракать успели?

Анна Дмитриевна. Еще бы! Я скоро домой побегу, одеваться, – выехать надо. А вечером мы с Ипполитом в концерт. Вы не забыли, Ипполит Васильевич?

Вожжин. Помню, помню.

Дядя Мика. Вам не удивляюсь, Annette. А Ипполита как бы вы не затормошили. Не молоденький, слава Богу.

Анна Дмитриевна. Что ж, он не дядя Мика, вкус к жизни не потерял пока. Да, мы говорили, я удивлялась, что это ребятишки к вам льнут? Мой Сережа первый... За что это они вас обожают?

Входит Матильда, подтянутая, сухая столичная горничная в чепчике.

Матильда (*Вожжину*). Вас, барин, там барышня одна спрашивает.

Вожжин. Меня? Какая барышня?

Матильда. Незнакомая. Молоденькие такие.

Вожжин. Да нет, это не меня, это, верно, Михаила Арсеньевича. Подите толком узнайте.

Анна Дмитриевна. Вот уж незнакомая какая-то!

Матильда вышла.

И что им в вас нравится? Вкус к жизни потеряли...

Дядя Мика. Это и нравится, что вкус потерял. Я им ни в чем не мешаю, ничего от них для себя не хочу, а разумением своим помочь могу. Вкус потерял, а разумение жизни при мне осталось. Я – полезен, я – живая книга для них, справочник; где хотят – там и раскроют. Читать умеют. Да вам этого не понять. Вам не до чтения.

Анна Дмитриевна (*обиделась*). Почему не понять? Неужели я такая непонятливая? Мой Сережа, это сущий ребенок, достаточно я его знаю, и он...

Матильда возвращается.

Матильда. Барышня говорят, что они не к Михаилу Арсеньевичу, а к Ипполиту Васильевичу. Очень просят приезжие.

Анна Дмитриевна (*прерывая*). Да примите ее здесь, Ипполит Васильевич. Мне интересно, какие это к вам приезжие барышни. Очень интересно. Если не секрет.

Вожжин. Какие секреты? Просто ошибка. Вы бы узнали, Матильда, что она, по делу, или... ну как фамилия... Наверно путаница. Наверно к Михаилу Арсеньевичу.

Матильда. Они объяснили фамилию. Она Софья Ипполитовна, к папаше...

Вожжин (*вскочил*). Что? К папаше? Ко мне? Соничка? Девочка? Маленькая? С кем она? Да не может быть!

Матильда. Барышня. Одни пришли. Как прикажете сказать?

Вожжин. Что? Сказать? Ничего не понимаю! Как Соничка? Постойте, Матильда. Погодите. Или нет... Она из Саратова? Одна? Ведь я еще неделю тому назад писал ей. Собирался... Да пустое! Чепуха. Перепутали. Не может девочка одна...

Дядя Мика. Ипполит, успокойся. Раз это Соня, – значит Соня. Ты сколько времени ее не видал? Года четыре или больше в Саратов прособирался? Ну вот, ей уж теперь лет шестнадцать. Вот тебе и барышня. Какая же маленькая? Иди скорее. Или постой. Ты так взволнован. Я сам ее тебе сейчас приведу.

Уходит. Матильда за ним. Анна Дмитриевна встает, берет поспешно меховую накидку со стула.

Анна Дмитриевна. Ипполит, я пойду. Это в самом деле ваша дочь, должно быть. Я пойду. Я через коридор, к себе. Я не хочу встречаться.

Вожжин. Идите, дорогая. Ах, Боже мой! Ничего не понимаю. Соничка! Софиночка! Идите. Не простудитесь, лестница холодная, закутайтесь... Софиночка! Господи!

Анна Дмитриевна. Хорошо, хорошо. И чего тут особенно волноваться? Растерялся, испугался. Вечером-то мы в концерт, не забудьте!

Вожжин (*рассеянно*). Да, да, как же. Да я лучше сам... Я уж пойду...

Идет к двери направо, не глядя на Анну Дмитриевну, которая закуталась, подождала, хотела еще что-то сказать, но не сказала, быстро ушла в дверь налево. Вожжин у порога сталкивается с Софиночкой. За ней идет дядя Мика.

Дядя Мика. Ну вот тебе твоя маленькая девочка.

Финочка (*смотрит секунду неподвижно на Ипполита, потом порывисто обнимает его, прижимается, громко шепчет несколько раз*). Папочка! Папочка!

Дядя Мика. Соня, да вы взгляните: не опомнился. Плакать сейчас будет. Не верит, что маленькие дети вырастают с течением времени в больших людей.

Ипполит Васильевич очень растерян и очень рад. Сияет и чего-то боится. То усаживает дочь на диван, не выпуская ее рук, то бросается к столу. Говорит отрывистые слова, спрашивает – и не дожидается ответа. И опять суетливо бежит к столу.

Вожжин. Ты лучше сядь сюда. Да. Мы уж тут позавтракали... Это ничего. Можно сейчас. Я сейчас.

Финочка. Да нет, папа, я не хочу.

Вожжин. Не хочешь? Ну, чайку. Выпьешь чайку?

Дядя Мика. Точно дитя, право. Ты спроси ее лучше, как она здесь очутилась.

Финочка. Ах, дядя Мика, подождите. Я сама не опомнюсь. А он так давно меня не видал, не узнал.

Дядя Мика. Я дольше не видал, а узнаю.

Финочка. И я вас сразу, дядя Мика. Вы у нас два лета на Волге жили. Еще мне про Гамсуна рассказывали.

Вожжин. Про Гамсуна? Постой, постой, да тебе тогда лет восемь было?

Финочка. Так что ж, папочка? Люди ведь все помнят.

Вожжин. Не знаю. Так давно... Финочка, а я писал тебе, собирался, и вдруг...

Финочка (*серьезно*). Я получила твое письмо. Мы ведь здесь только три дня. Мы в гостинице. И Марфуша с нами. Мамочка к докторам... Ее послали, посоветоваться. Больна была. Ну вот и возились. Мамочка здесь души будет брать. Больше двух недель курс.

Матильда в это время убрала стол и подала чай.

Вожжин. Так. Ну что же. Это отлично. Великолепно. А вот и чай нам дали. Хочешь чайку? Давай чайку попьем.

Переходят к столу. Софина в меховой шапочке, с муфтой, Вожжин суетится, не может найти тона, не привык к дочери. Дядя Мика держится в стороне, курит.

Вожжин. Ты, может, со сливками, Софиночка? Да... Вот ты какая... А я тебе писал – все тебя девочкой представлял, как последний раз видел. Так, значит. И ты мне толком не писала ничего. То есть о себе, о жизни... (*Помолчав.*) Как же занятия твои? Гимназия? Ты в предпоследнем классе? Да, как же ты теперь-то приехала? Пропускаешь занятия?

Финочка (*помолчав*). Мамочка не хотела ехать, да нельзя, я ее уговорила. А я все равно не в гимназии. Я давно вышла.

Вожжин. Как? Вышла? Отчего? Да нет!

Финочка. Правда, вышла. Я с учителями...

Вожжин. Разве лучше с учителями?

Финочка. Не знаю... Нет. Я вообще худо учусь. Худо, нехорошо. Прости, папа, я не писала, не хотела тебя огорчать. У меня стал ленивый характер.

Вожжин. Ничего не понимаю! У тебя ленивый характер? Да ты первой шла! И что гимназия, ты же мне писала, – ведь ты книжница у меня известная... Ведь я же знаю... Отчего вдруг? (*Помолчав.*) Как вообще... Как ты там это время... Тебе ведь хорошо жилось? Подруги там... Ну и вообще, как?

Финочка. Хорошо. Ничего. Обыкновенно. Мне хорошо.

Дядя Мика незаметно вышел. Вожжин и Финочка некоторое время молчат.

Вожжин. Да... Так, значит, хорошо. Да. Ну, а летом ты, как всегда, на Волге, на даче? Там же? Финочка. Там же.

Вожжин. И... летом ты гуляешь, читаешь... Ты бы написала, я бы тебе книг прислал. Там, конечно, трудно достать, в Саратове. Может быть, опять как-нибудь... приохотилась бы. *(Помолчав)*. А все-таки жаль это... что ты из гимназии-то... Подруги, своя жизнь, мало ли?

Финочка. Что ж делать, папа.

Вожжин. А учителя все-таки хорошие? Ничего?

Финочка. Ничего. Обыкновенные.

Оба молчат.

Вожжин *(с внезапным порывом)*. Финочка! Деточка! Я так не могу. Ты ведь одна у меня. Отчего ты такая? Скажи мне. Тебя обидел кто-нибудь? Ну я виноват сам, четыре года не собрался, все дела, все думал, съезжу... Вот ты приехала – и точно чужая. А я говорить не умею. Не знаю, как тебе там... как живется...

Софиночка ставит чашку, закрывает лицо руками и вдруг начинает плакать, громко, как ребенок.

Вожжин *(растерянно наклоняется к ней)*. Деточка! Деточка моя крошечная! Миленькая моя девочка!

Софина. Я не плачу, не плачу, оставь! Ты спрашиваешь, как живу, так вот: худо, нехорошо! Нет, пусть ты знаешь! Худо, а тебя нету, тебя до ужаса все нету! Письмами нельзя. Разве можно письмами?

Вожжин. Да не письмами... Девочка моя! Ты забыла, что я у тебя есть? Да если б я только знал!

Софина. Не есть, а нету тебя никогда! Столько лет нету! Я из гимназии ушла – все равно бы выключили! Я в зале, в большую перемену, при всех, Катю Шантурову в лицо ударила!

Вожжин. Господи! Финочка!

Софина. Да, да! Зачем она осмелилась? Мы поссорились немножко, а она вдруг говорит: «Твоя мама Свиридовская содержанка! Твой папа ее, Свиридову продал. Это вся гимназия знает». Осмелилась! Пусть еще скажет, опять ударю!

Вожжин. Что же это такое, Господи!

Софина. Молчи, постой. Ты думаешь, я верю, что она сказала? Да нисколько. Я должна была ударить, но я не верю. Просто мама полюбила Свиридова, а вы вместе согласились, чтобы ты уехал, что так лучше. Я же все помню; и тогда все понимала, это вы думали, что я маленькая и ничего не понимаю. Свиридову нельзя жениться, у него жена больная, в купечестве если развод, так его отец с фабрики выгонит, я все знаю! и хоть Свиридов с мамочкой в одном доме никогда не жил, а все-таки она ему стала как настоящая жена, с любовью, а вовсе не содержанка! И у нее свои тоже деньги, дом ее же... Только вот я у мамы... Учителей его, свиридовских, не хочу. Лучше совсем не буду учиться... Прачкой буду, горничной...

Вожжин. Какие свиридовские учителя? Ты не живешь на свиридовские деньги! Если ты все знаешь, так знаешь же, что я высылаю на тебя...

Софина *(не слушая)*. И что я его ненавижу – я не виновата! Я мамочку люблю, тебя люблю, а из-за него тебя нет никогда, из-за него мамочка... мамочка, такая бедная, больная, мучится всегда, и одна всегда... Он тоже меня ненавидит. И боится. Без меня кричит на мамочку, – точно она вправду его купленная! а при мне не смеет. Когда поссорятся, уйдет – мамочка со мной плачет. Она слабая, мамочка. Я утешаю, жалко, а я бы его... я его когда-нибудь... *(Вдруг мрачно останавливается.)*

Вожжин *(шепчет в ужасе)*. Фина, Фина, что ты...

Фина *(всхлипнув)*. А тебя нету, папуся. Если б только мамочка... ели б дал Бог, увидела бы она сама...

Вожжин *(целует ее, гладит по голове, дрожит)*. Родная моя... Разве я знал. Ничего-то я не знаю. Дурак дураком. Одно знаю: так нельзя. Так уж не будет. Ты уж меня больше не покидай. Надо подумать. Надо поговорить. Я уж все устрою.

Софина. Правда? *(Вздыхнув, улыбается.)* Ты прости, папочка. Я не плачу. Я знала, надо только тебя увидеть, а уж там что-нибудь придумается. Мамочку так умоляла поехать. Она больная, нервная. А Свиридов сейчас в Англии, по делам фабрики отправился. Последнее время мало приходил, злой. Мамочка раз так плакала, что я решилась: пойду за ним, пусть. Ну – помирился. Только мамочка сама уж видит, какой он, сама понемножку начинает видеть... Да я одна ничего не могу.

Вожжин *(злобно)*. А как ты-то живешь между ними – это она видит?

Фина. Папочка, ради Бога! Ведь она же несчастная! Ведь она же больная!

Вожжин. Ну да, ну да... *(Ходит по комнате.)* Конечно, надо подумать. Надо поговорить. Надо мне с ней поговорить.

Фина *(вдруг просияв)*. Тебе с мамочкой? А ты... ничего? Можешь? Можешь с ней видиться? Согласен?

Вожжин. Да я... Господи, отчего же? Конечно, могу. Это отлично, что вы приехали. Мне даже надо... Даже нельзя, я думаю, иначе. Не враги мы, Господи Боже мой. *(Ходит по комнате.)* Только надо, конечно, узнать, как она смотрит на это... Как удобнее... А я готов.

Софина. Папуся, милый мой, единственный мой! Я знала, что ты придумаешь! Я мамочке скажу. Условимся. Мы в гостинице, совсем близко. Я устрою. Ты и придешь. Ах, папочка!

Вожжин. Только если мама сейчас очень нездорова...

Софина. Ей уж лучше. А через несколько дней ей совсем будет лучше. Я каждый день к тебе стану приходить, хорошо? И условимся. Ну, побегу теперь. Мамочка одна. Папа ты мой родной! Какое тебе спасибо!

Вожжин. Завтра придешь? Да как же ты одна?

Софина. Я на трамвае. Ах, папа, какое у тебя печенье это вкусное! И конфеты. Да уж мне сейчас некогда.

Входит Сережа, сын Анны Дмитриевны, высокий, тонкий гимназист; с тремя книгами.

Сережа. Ипполит Васильевич! Здравствуйте. А дяди Мики нет? Я к нему на минуточку...

Вожжин. Ну уж, конечно, к дяде Мике. Он сейчас тут был. А это... это дочка моя, Сережа, видишь, какая большая? Гимназистка из провинции. И тоже Мику помнит.

Сережа и Финочка молча, немного смущенно подают друг другу руки.

Сережа. Вы недавно приехали?

Фина. Недавно. Что это у вас за книги?

Сережа. А французские. По истории синдикализма. Да дядя Мика говорит, что есть еще одна, более широко написанная. Я последнюю неделю этим занят.

Входит дядя Мика. Он был в соседней комнате.

Фина. А я ничего не знаю о синдикализме. Раз статья попалась, а книг у нас недостать.

Дядя Мика. Ничего, поживете у нас, обо всем узнаете.

Вожжин. Да на что ей синдикализм? Вот уж не понимаю!

Дядя Мика. Мало ли ты чего не понимаешь! Вы уходите, Софочка? Уж стемнело, вы здесь новенькая. Вот вас Сережа до трамвая проводит. Вы свободны, Сережа? Кстати, по дороге подружитесь. Надо будет Соничку, при случае, и с Русей, и с Никсом познакомить.

Сережа. И с Лидой. Я свободен, дядя Мика. Вы на какой трамвай, Софья Ипполитовна? Лучше уж я вас до дому довезу. Выходите, я догоню, я только пальто, мне тут сейчас, через площадку. *(Хочет бежать к двери, возвращается.)* Да, Ипполит Васильевич, мама просила напомнить, сегодня в концерт, ровно в половине восьмого!

Уходит быстро. Софиночка прощается с дядей Микой и уходит в другую дверь. Вожжин идет за ней. Дядя Мика усаживается в кресло, закуривает. Через минуту опять входит Вожжин, – один.

Вожжин. Я так растерян. Я прямо с панталыку сбился. Если бы ты, Мика, слышал. (*Ходит по комнате*). На месте сидеть не могу.

Дядя Мика. Да я и слышал. Рядом был. Все равно рассказывать бы стал, только напутал бы.

Вожжин. Отлично. Тем лучше. Значит, тебе тоже ясно: я ее к себе должен взять. Что?

Дядя Мика. Ничего. Продолжай.

Вожжин. Тут двух мнений быть не может. Если б я даже и не любил ее, как люблю... – чувствую, только ее одну и люблю на свете! – так и то, это преступление оставлять ребенка в подобной обстановке. Я отсюда вижу, что это такое! Ты не знаешь, ты не можешь себе представить.

Дядя Мика. Могу себе представить.

Вожжин. У меня точно глаза раскрылись. О чем я думал? Ну тогда, драма эта, восемь лет тому назад – что ж было делать? Елена Ивановна – честный, прямой человек, сразу сказала, что любит этого савраса... тьфу, не хочу ругаться, ее дело, – этого купчика Свиридова. Любит и любит, я обязан был дать ей свободу. Ребенок – восьмой год, как его от матери? да и разве я знал, где устроюсь, что со мной будет? Ну мог я иначе поступить?

Дядя Мика. Почему я знаю! Ты со мной не советовался. Да я советов и не даю никогда.

Вожжин. В самом деле, какое я право имел не уехать, или уехать и взять с собой девочку, ничего не понимающую, ребенка лишить материнской заботы? Имел я право, или не имел?

Дядя Мика. Да ведь теперь это все равно.

Вожжин. Конечно, конечно. Теперь надо о теперешнем думать. Да и думать нечего. Беру к себе, решено! Если б ты знал, какая это девочка! Отдам ее в частную гимназию хорошую, потом на курсы...

Дядя Мика. Надо, чтобы они обе согласились.

Вожжин. Кто это – обе? Ну, не сумасшедшая же мать, ведь должна же она видеть! А Финочке самой невтерпёж, ты слышал, кажется. Это вздор. Только бы скорее устроить... У меня точно глаза раскрылись.

Дядя Мика. Постой-ка.

Вожжин. Ну что? Что еще?

Дядя Мика. Ничего. Просто спросить хотел. Ты, значит, мечтаешь сюда к себе Фину перевезти?

Вожжин. Не мечтаю, а твердо решил. Отдам ей мою спальню, громадная комната, мне бесполезная, буду в кабинете. Какая хорошая гимназия ближе? А тебе, Мика, вот еще одна племянница.

Дядя Мика. Я могу и уехать, если мои комнаты нужны. Постой, не о том: я хотел спросить, ты уверен, что Финочка к Анне Дмитриевне благодушно отнесется?

Вожжин (*останавливается*). К Анне... что? К Анне Дмитриевне? Что?

Дядя Мика. Ну, ты забыл про Анну Дмитриевну, вижу. Я и хотел напомнить.

Вожжин. Забыл... Нет. Ну, да, забыл... Я...

Дядя Мика. Вот то-то же. Этот вопрос выясни. Финочка – неизвестность. Вдруг возмутится: стоит ли менять мамочку со Свиридовым на папочку со вдовой Лебедевой?

Вожжин. Как ты... Как ты груб, Мика. Как ты можешь... У меня вся душа дрожит, а ты...

Дядя Мика. Дрожит или не дрожит – факт остается. Я тебе никаких советов не даю, просто указываю на факт, чтобы ты его увидел.

Вожжин. Не беспокойся, вижу, понял. Анна Дмитриевна...

Дядя Мика. Ну, что ж ты остановился?

Вожжин (*решительно*). С Анной Дмитриевной я порву.

Дядя Мика. Вот как!

Вожжин. Да, так. Ты прав; девочка, переезжая ко мне, должна войти в чистую жизнь. Все для нее, обо мне не толк. Да и что же Анна Дмитриевна? Я человек простой. Она хорошая, добрая, нежная, оба мы были одиноки... Понятное дело. И какая тут параллель со Свиридовым, нашел тоже!

Дядя Мика. Тем удивительнее, что ты так скоро решаешь с этой доброй, нежной женщиной: пожалуйста, ищите себе квартиру на другой улице, я желаю чистоты и более не одинок. За что же это?

Вожжин. Мика! Дружба дружбой, но смотри, издеваться я над собой не позволю!

Дядя Мика (*пожимая плечами*). Как глупо!

Вожжин. Да она сама первая поймет! Если она меня любит, она должна понять!

Дядя Мика. Если любит, так чтобы убиралась вон?

Вожжин. Все равно, все равно, я должен, я так решаю! Соня будет жить со мной, и никто, ни ты со своими злыми улыбками, ни Анна Дмитриевна, – никто не заставит меня изменить это: слишком все ясно и просто!

Дядя Мика. Так ли просто? И не кипятись очень, скорее остынешь.

Вожжин (*сидя в кресло, тихо и беспомощно*). Ах, Мика, я человек простой, просто и хочу понимать. Слабый я, что ж, правда; а ты видишь – ну и помог бы. Поддержал.

Дядя Мика. Мне, Ипполитушка, все равно. Я наблюдатель, советов не даю. Посмотрю, что будет.

Вожжин. Да, вот ты какой. Холодно с тобой, Мика.

Дядя Мика. Брось сентиментальности. И не кричи о своих решениях. Поверь, девочка твоя умнее тебя. И если что будет – так будет как она захочет, а вовсе не как ты.

Вожжин (*вскакивая*). Довольно! И чего я с тобой? Мое дело, моя дочь, мое и решение. Привык уж на тебя не обижаться. Что надо, то и сделаю. (*Уходит.*)

Дядя Мика (*вслед, со скучающим видом*). Как глупо! Как глупо! И как ты наивен!

Действие второе

Кабинет дяди Мики, громадная комната, стены все сплошь в книжных шкафах. У окон, справа, письменный стол и турецкий диван, у левой стены, в углу, пианино. В обыкновенное время комната должна казаться очень пустой, как библиотечная зала. Теперь середину ее занимают стулья, разные, собранные, очевидно, со всей квартиры, поставленные кругом. На стульях сидят подростки, юноши и девочки. Некоторые в гимназической форме, в блузах, девочки в полукоротких платьях, с косами; но есть и более взрослого вида. Один мальчик лет 16, Петя, в старом пиджачке. Борис, юноша совсем взрослый, в рабочей блузе. Лида, вид детский, серьезный, около 14 лет. Гимназистка Руся, тонкая, бойкая, в черном передничке, с короткой и толстой рыжей косой, на висках волосы сильно кудрявятся. В центре стоит маленький столик, за которым сидит Нике, брат Руси (*председатель собрания*) и большой черный гимназист, Валерьян (*делал доклад*). Сережа сбоку, у письменного стола, перед ним бумаги, записывает. На турецком диване, в стороне, дядя Мика. Около дивана, тоже немного в стороне, на стуле, Финочка. Она без шляпы, но с муфтой. Катя и Маруся, – сестры, Володя Рамзин, Вулич, Вера, Андрей и другие. Сидят свободно, некоторые с записными книжечками. Слышны голоса.

Валерьян (*кончая*) ...так я вот только и говорю: тут есть соответствие эпох.

Лида. А я возражала и опять говорю, если искать повторных волн, то 61-й, 63-й годы более соответствуют...

Володя. Идентичности нет, выводы же о соответствии произвольны...

Вера. Данный вопрос – деталь, и мы слишком мало изучили картину эпохи, чтобы...

Петя (*басом*). Какие эпохи! По десятилетиям, и того меньше, считаем...

Нике (*председатель*). Погодите, постойте! Этак мы спутаемся. Кто еще что знает насчет Валерьянова доклада? Насчет Грановского и Гегеля? Все сказали? Хорошо. Так теперь я скажу два слова, а потом можно к личным делам перейти. Я скажу, что напрасно мы спорим, нам надо учиться, а времени и так ужасно мало. Для того мы и разделяем между собою разные вопросы, чтобы каждый внимательнее изучил и другим рассказывал. Нам, главное, знать подробнее обо всем, что было, а остальное уже после, само придет. Согласны?

Голоса. Согласны! – Конечно! – Но пусть Валерьян не делает выводов! – Конечно, надо знать поскорее. – Да как же не спорить? – Нет, нет, объективности нельзя же достигнуть... – Нет, правда, нам и без того некогда...

Нике. Хорошо, хорошо! Спорить будем, когда личная беседа. Вот хоть сейчас. Сережа, ты в протокол споры не записывай, а только дополнения и пояснения.

Сережа. Ну да, сегодня я только Володю и Андрея занес, насчет Гегеля, да Марусю, об окружении Грановского.

Дядя Мика. Нельзя ли мне частное заявление?

Нике. Пожалуйста, дядя Мика. Мы ведь теперь к свободной беседе переходим. Но только все же по порядку.

Дядя Мика. Я вот что хотел, господа. Сегодня здесь, кроме меня, хотя и не члена Общества Зеленого Кольца, но постоянного гостя его собраний, присутствует еще один посторонний человек: Финочка Вожжина. Она пришла случайно, к своему отцу, которого не застала, и я взял на себя смелость просить вас о дозволении...

Нике и Руся. Да, да! Мы очень рады были...

Дядя Мика. Многие из вас с ней уже знакомы, видались за эти две недели ее пребывания здесь...

Руся. Да конечно же! Я была убеждена, что она войдет в Зеленое Кольцо! Даже если и не останется тут. У нас много членов в провинции.

Нике. Подожди. Дядя Мика, вы знаете, что вступающий член должен ответить на некоторые вопросы и затем быть осведомленным...

Дядя Мика. Вот к осведомлению-то я и веду. Вас много, начинается беседа, в беседе вы могли бы коснуться того, что пояснит для вновь вступающей главные задачи и... ну смысл, что ли, вашего Зеленого Кольца.

Финочка. Можно, я сама скажу? Да, я случайно, мне ничего не говорили об обществе, но я почему-то не удивляюсь. Как будто так и должно быть, и без этого нельзя. Очень хочу быть с вами, хотя многого не знаю. Даже совсем ничего не знаю, и по вопросам, о которых здесь говорили, ничего еще не читала. Там, в Саратове, у меня сначала были подруги, знакомые, но в самое-то последнее время я не могла... То есть совсем отстала...

Нике (*кивая головой*). Ну да, у вас тяжелое семейное положение. Это очень мешает. Трудно, если один среди старых и не с кем посоветоваться. Но за то и это дает известные знания. В особом порядке, тоже необходимом Опытном. То есть я говорю про острые столкновения с миром старых.

Руся. Мы должны нашу жизнь и наши отношения к старым сами решать, сами разумно вести.

Петя (*басом*). У многих положения тяжелые, по-разному. Даже как бы безвыходные. Кто в гимназиях и с родителями интеллигентными – что ни говори, легче.

Руся. Вздор, вздор! Вы, Петя, зато уже на своих ногах, вам ничего силой не навязывают, вам не надо выкручиваться. Работы много в переплетной, да я бы рада. И у всех у нас по горло работы, время не ждет.

Володя. Так жизнь перековеркали, что вот ни за что на свои ноги вовремя не стать! Нам уж скоро совсем пора, люди же теперь скорее растут, а поди-ка, стань! На чужой счет живем. Вывертывайся, как знаешь. А женщинам еще труднее. Хоть замуж выходи.

Сережа. Это ничего, ничего! То есть плохо, конечно, а только надо с данным считаться, с настоящим, для будущего-то. Считаться так, чтобы пользоваться, пока нельзя иначе. Выбирать нужное. Ну, чтобы замуж – это надо очень большую силу. И случай особенный, иначе совсем на ноги не станешь. Хотя прежде, в 60-х годах, вы знаете, бывало: выходили барышни замуж нарочно, чтобы ехать учиться. Это вроде же. Но я говорю только, что надо считаться и выкручиваться, и это ничего, худого никому не будет.

Финочка. Я не понимаю. Ведь мы все-таки еще очень молодые. Отчего времени нет? Надо учиться, да время же есть?

Сережа. Совсем нету времени!

Маруся. Мы бы рады, а нету! Мы еще не зрелые, мы и спешим, такими нельзя жить. Вы слышали, теперь люди скорее растут. Нам очень скоро – пора.

Лида. Хуже будет, если мы не успеем...

Вера. И так незрелыми... вдруг придется?

Андрей. Стриндберг прав, незрелыми нельзя; все прежние молодые, – те сразу себя умнее всех чувствовали, а мы совсем новые молодые, мы себя сознаем...

Володя. Да, ужасно странно, что все прежние поколения непременно все ту же ошибку повторяли. На это опираются сторонники мирового круговращения.

Маруся. Отчасти потому, может быть, что наука была в зачаточном состоянии?

Нике. Ну, вряд ли потому. Но, конечно, идея творческой эволюции не была еще воспринята человеческим сознанием вообще. И значение истории, и ее движение, ускоряющееся подобно летящему камню, начинаем понимать – мы первые. Надо спешить...

Финочка (*растерянно*). Нет, я не понимаю... То есть да, спешить надо, но если мы не готовы...

Сережа (*кричит*). В том-то и беда! Мы будем не готовы, – кто же будет жить? Ведь скоро некому жить!

Руся. Некому, некому! Старые и усидят поневоле, все вконец перепортят; мало сейчас напорчено, и так трудно будет.

Финочка. А... те молодые? Ведь есть старше нас. Я не знаю... Но ведь считается...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.